

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI 10.25991/VRHGA.2024.2.2.001

УДК: 141

*И. А. Андрианов, А. А. Иванов**

ФИЛОСОФСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье показана история становления психоаналитического дискурса в контексте культурных и антропологических процессов современности, а также как вектор «критического гуманизма». Учение З. Фрейда — это своего рода «коперниканская революция» современности, которая заставила пересмотреть не только образ человека, но и всех фундаментальных ценностей и институций. Однако психоанализ возникает не как уникальное явление: ему предшествует развитие идей философского экзистенциализма (Кьеркегор) и философии воли (Ницше, Шопенгауэр), а также кризис классического описания человека и мира. Личная идентичность в эпоху современности становится проектом, неопределенностью, тогда как в классических моделях она пред-определялась социальной средой и культурным контекстом. В этом смысле психоанализ появляется как «теория и практика» нового стремления к частному бытию и поиску идентичности.

Ключевые слова: Психоанализ, становление, психика, человек, культура, философия.

I. A. Andrianov, A. A. Ivanov

PHILOSOPHICAL AND AXIOLOGICAL ORIGINS OF PSYCHOANALYTIC DISCOURSE

The article shows the history of the formation of psychoanalytic discourse in the context of cultural and anthropological processes of our time, as well as as a vector of “critical

* Андрианов Илья Александрович, andrianov.94@mail.ru, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Andrianov Ilya A., andrianov.94@mail.ru, Russian Christian Academy for the Humanities named after F. M. Dostoevsky, nab. r. Fontanki, d. 15, lit. A, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

Иванов Андрей Анатольевич — д-р филос. наук, проф., Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; larsandr@mail.ru

Andrey A. Ivanov — Dr. Philos., Professor, Russian Christian Academy for Humanities named after. F. M. Dostoevsky; larsandr@mail.ru

humanism”. The teachings of S. Freud are a kind of “Copernican revolution” of modern times, which forced us to reconsider not only the image of man, but also all fundamental values and institutions. However, psychoanalysis does not arise as a unique phenomenon: it is preceded by the development of the ideas of philosophical existentialism (Kierkegaard) and the philosophy of will (Nietzsche, Schopenhauer), as well as the crisis of the classical description of man and the world. Personal identity in the modern era becomes a project, uncertainty, whereas in classical models it was predetermined by the social environment and cultural context. In this sense, psychoanalysis appears as the “theory and practice” of a new desire for private existence and the search for identity.

Keywords: Psychoanalysis, formation, psyche, man, culture, philosophy.

Психоанализ — чрезвычайно влиятельная в самых разных спектрах научного знания о человеке и одновременно противоречивая концепция. Она берет своё начало как психотерапевтическая практика, основанная на прикладных методах психиатрии, но, тем не менее, заключает в себе глубокие философские фундаменты. Это не только и не столько методология помощи невротизированному субъекту, сколько картина мира, в которой образ человека выстраивается в зависимости от биологических и социальных начал, утрачивая своеобразное очарование метафизического взгляда и утрачивая тайну «Образ» и «Подобия».

С момента выхода в свет работы З. Фрейда «Толкование сновидений» в 1900 г. и вплоть до современности психоанализ трансформирует, уточняет и «разворачивает» понимание субъективности. Этот процесс коснулся всего спектра знания о человеке, от психиатрии и медицины до художественных жанров — литературы, театра, живописи, кино и рекламы. Прежде всего, это породило господствующую психологию повседневной жизни [9, с. 154–159]. Новая картина человека оказалась чрезвычайно привлекательной для современности. Она создавала впечатление того, что найдены истинные основания человечности, раскрыты тайные механизмы психики, и отныне знание о человеке будет максимально точным и плодотворным.

Как отмечается в большинстве исследований, касающихся повседневной жизни и восприятия в ней человека, его рефлексии о себе, в прошлом, чувство личной идентичности во многом определялось местом в семье и социуме, традициями культуры и религии. Однако в девятнадцатом веке подъем промышленного капитализма породил новые формы частной жизни, новые формы само-осмысления человека. По существу, современный мир является наследником этого процесса; население, сконцентрированное в мегаполисах и охваченное глобальными экономическими и информационными процессами. Человеку поневоле приходится определяться со своей идентичностью. Личная идентичность, таким образом, стала проектом для индивидуума, в отличие от того проекта, что ранее пред-определялся социальной средой и культурным контекстом. В этом смысле психоанализ появляется как «теория и практика» этого нового стремления к частному бытию и поиску идентичности.

Как отмечает Э. Зарецкий в своей статье «Почему XX век стал фрейдистским?», «первоначальный исторический телос был “остранением”, освобождением индивидов от бессознательных образов власти, ранее укорененных в семье» [9, с. 155]. Он подчеркивает, что этот новый смысл личной жизни

приобрел критическое влияние на формирование стратегий частного и социального бытия. Новое время часто прибегает к образам «коперниканской революции» (И. Кант и др.). Американский историк Карл Эмиль Шорске связывает учение Фрейда со своеобразной «коперниканской революцией» современности, которая заставила пересмотреть не только образ человека, но и все фундаментальных ценности и институции.

Как отмечает Майкл Скотт Рот в своей книге «Психоанализ как история: отрицание и свобода у Фрейда, «и гуманитарные науки, и психоанализ порождают скептицизм в культуре, еще более подозрительной к предприятиям, которые культивируют терпимость к двусмысленности и признание амбивалентности» [7, с. 23]. Ни гуманитарные науки, ни психоанализ не могут процветать в среде, настолько редукционистской, что она стремится к измерению ценой воображения. Историческое сознание, лежащее в основе гуманитарных наук и психоанализа, сопротивляется этому редукционизму.

Практика исторического исследования, осмысления прошлого никогда не искоренит двусмысленности и амбивалентности. М. С. Рот утверждает, что психоанализ лучше всего читать как теорию истории. Это означает, что его центральные понятия направлены на осмысление прошлого или, как я часто выражался, на создание прошлого, с которым можно жить. Психоанализ возник из гипноза, технологии изменения прошлого пациента. Гипнотическое внушение, которое использовал в своей практике Жан Мартен Шарко, позволял ему прийти к выводу о том, что множество физических симптомов болезни коррелируют с состояниями психики. В известном смысле, это было своего рода «расколдовывание» тайны человека. Для Ж. М. Шарко исторические состояния человека имели такой же корень в личном переживании, как и состояния веры и религиозных исцелений. Как отмечают исследователи, сам Фрейд довольно слабо владел гипнозом, и его ограниченный успех в этой технике привел его к уточнению техники психиатрической помощи. Он задействует потенциал сознания самого пациента, позволяя ему и открывать свои глубины, и выпускать во внешний мир те образы, которые позволяют ему освободиться от теней прошлого. Это своего рода исторический метод, который не стирает болезненное прошлое (именно это стремится сделать поврежденная психика), но найти смысл в болезненном. Фрейд разработал психоанализ как способ интерпретации, который создавал бы прошлое, с которым можно было бы жить. Как утверждает М. С. Рот, психоанализ возник из скорби, из работы, позволяющей человеку отрешиться от прошлого, даже сохраняя с ним некоторую (нарративную) связь. Лечение разговором требует, чтобы человек позиционировал себя (или свои желания) по отношению к прошлому, а не реконструировал фактическое прошлое в настоящем. По существу, психотерапия и методология, которую использует психоанализ, — это работа с нарративом.

Нарратив — одно из ключевых понятий нового знания о человеке и культуре (начиная от лингвистических открытий Ф. де Соссюра и продолжая линиями психоанализа и философского структурализма). Он подразумевает, что язык, являющийся и инструментом мышления, и его условием, при невозможности «высказать» содержание психической жизни человека и описать все фундаментальные определения культуры, тем не менее, содержит в себе всё,

пусть и в сокрытой форме. И это «всё» неизбежно проговаривается субъектом и самой культурой.

В контексте уже новых реалий XXI в., после перехода от «твердой» современности к «изменчивой современности» (З. Бауман), социокультурные вопросы коренным образом изменились, и во многих областях появились принципиальные расхождения с психоаналитическими идеями. Однако психоанализ устарел лишь внешне (Г. Маркузе), его актуальность в изменчивой современности обусловлена его специфической вневременностью. Культура, которая отказывается променять самопознание на самовосстановление, по-прежнему зависит от психоанализа [8, с. 675–701].

Герхард Шнайдер определяет психоанализ как «критический гуманизм» [8, с. 675]. Речь идет о том, что проект психоанализа начинается как критика классических, «культурных», ценностно-ориентированных представлений о человеке, но в конечном счете эта критика должна выводить к «истинному» содержанию человечности, с её биологическими природными аспектами, не исключая, впрочем, собственно культурную составляющую.

XXI век при внешнем «отходе» от нормативных определений этики как фундаментальной составляющей культуры, тем не менее, одновременно заставляет вновь всматриваться в оптику человечности. Здесь снова психоанализ может рассматриваться как точка «коперниканского переворота», учитывая ту роль, «которую играет в нашем опыте и фрейдовском учении в целом этическое измерение...» [3, с. 8].

Тезис о том, что в человеке заключается «ключевой элемент» развития мировой истории и культуры, оказалась в центре внимания социогуманитарных наук начиная с рубежа XIX–XX в. Феномен «антропологического поворота» стал квинтэссенцией пересмотра представлений и о бытии, и о его познании.

С точки зрения философской теории познания, после кантовской «Критики чистого разума» теоретический горизонт достоверного знания смещается в глубину человеческого восприятия. В этом смещении, имеющем и методологический, и ценностный характер, заложены основы будущего развития нового знания о человеке — философской антропологии. И — вне зависимости от концептуальных подходов — философская антропология всегда экзистенциальна, т. е. она рассматривает феномены человека и мира именно в призме существования «здесь и сейчас», которое только и может быть доступно непосредственному восприятию человека.

В некотором смысле можно связать линии экзистенциализма и психоанализа. Так, концепцию «болезни к смерти» [2], имеющую место в творчестве датского философа С. Кьеркегора, упоминал позже швейцарский психиатр Л. Бинсвангер, описывая случай Эллен Вест [1, с. 37–45].

История пациентки Эллен Вест имела место в 1918 г. И Л. Бинсвангер использует этот пример, чтобы показать ресурс экзистенциальной психотерапии, которая в то время еще не могла быть использована. Эллен Вест имела сложности с гендерной и личной идентификацией, всё время колеблясь между образами самой себя. И эти состояния осложняются её несомненным влечением к смерти.

Говоря об особенностях развертывания субъектности пациентки, Л. Бисвангер отмечает её своеобразную «отгороженность» от мира. По существу, она как бы живет в мире иллюзий, снов.

Нарратив современной активно смешивает пласты реального и психического. Фиксируя психическое как «истинное бытия», обусловленное непосредственностью переживания, новая эпоха дает место онтологизации миров иллюзий, художественных образов и т. д. В известном смысле, тема психической реальности, фундаментального значения мира фантазий и снов для человека, была подготовлена еще до концептуальных выводов З. Фрейда, в частности, в художественных мирах немецкого романтизма.

Впрочем, это объяснимо. Мы не имеем возможности рассматривать научные концепции как самодостаточные, изолированные от культуры. Еще Г. В. Ф. Гегель формулирует философию как «дух эпохи». Продолжая мысль о том, что открытия психоанализа уже опираются на интеллектуальную и философскую проработку темы человека, «заброшенного в мир». В этом смысле творчество Кьеркегора также дает нам интересный материал. В своей работе «Страх и трепет» (1843) он обращается к теме феномена свободы, который обнаруживается в разломе между «Я» и возможным «не-Я», в страхе конечности и отчаянием изолированного существования человека.

Тема страха и тревоги имеет особое значение для интерпретации феномена человека. Интересно, что тема страха довольно ярко обнаруживает себя в период Средневековья. Человек испытывает страх и перед лицом личной вины и ответственности, и перед лицом неизвестности будущего. В Античности человек переживал скорее необходимость смирения перед неизбежностью судьбы.

Сам Фрейд полагал, что «проблема тревоги является узловой точкой многих важнейших вопросов; разрешение загадки тревоги прольет поток света на всю психическую жизнь человека» [5, с. 227]. Страх, по его мнению, имеет корень в осознании конечности человека, в страхе перед смертью. Учитывая, что тема смерти всегда была актуальна для философского дискурса, тем не менее, следует добавить, что именно в период Нового времени и позже, когда возникает своеобразная «Богооставленность» человека, ощущение того, что человек находится в бесконечном мире, Творец которого находится за пределами мыслимого, тема смерти рассматривается в совершенно новой призмe. Однако обращение к философским параллелям с Кьеркегором, можно заметить и еще одну важную линию: возникновение страха связано с перспективой «неверной» самореализации. «Я», которое разъединяет человека с Божественным замыслом и с Богообщением. И здесь обнаруживается еще одна перспектива: вектор развертывания субъекта («Я») — это вектор воли.

Интересно, что имманентная преемственность тематики страха у Фрейда находит параллели с философией А. Шопенгауэра и рефлексией Ф. Ницше. [6, с. 23–24]. Ницшеанство вообще оказало серьезное влияние на формирование духа эпохи. Обращение к «хтонической» древности, энергичное, витальное отношение к феномену жизни, видение противоположных полюсов культуры («аполлониизм» и «дионисийство») послужили источником ключевых концепций психологии Юнга, и в психоанализе в целом. Отказ Ницше от принципов

религиозности и констатация «смерти Бога» должно было служить высвобождению персональных сил субъектности. Как отмечает В. Лейбин, Фрейд, разрабатывая первую топикку психоанализа и концепт «Оно», ссылаясь на Ницше: «Ницше часто пользовался этим грамматическим термином для обозначения безличного, природно-необходимого в человеке» [4, с. 47].

Идеи Ницше и Шопенгауэра в научных кругах конца XIX — начала XX вв. были не менее популярны, чем дарвинизм, позитивизм и научный материализм. Речь идет в целом о выработке новой научной парадигмы понимания мира и человека, освобожденной от «предрассудков» прошлого. Разные интеллектуальные среды выбирали свои, близкие к собственным мировоззренческим основаниям, фундаменты новой картины мира. Психоанализ в этом потоке стал универсальной моделью, которая позволяла человеку освободиться от аксиологического (ценностного) груза прошлого — персонального и исторического. Будучи в своих истоках методологией психиатрической помощи, психоанализ развернулся как мощная философская концепция, которая впоследствии заняла отчасти место религии, выдвинув свои собственные каноны ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бинсвангер Л. Эллен Вест. Антропологически-клиническое исследование // Экзистенциальный анализ. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2014.
2. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: «Республика», 1993.
3. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959–60)). Перевод А. Черноглазова. М.: Гнозис, изд-во «Логос», 2006.
4. Лейбин В. Психоанализ: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. СПб.: Питер, 2017.
6. Шайдт Ю. Ф. Фрейд и его время // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд. Жизнь, работа, наследие. М.: «Когито-центр», 1998. С. 22–37.
7. Roth M. S. Psycho-analysis as History: Negation and Freedom in Freud. Cornell University Press, 1987.
8. Schneider. G. Die Psychoanalyse ist ein Humanismus // PSYCHE. August 2012, 66. Jahrgang, Heft 8, С. 675–701.
9. Zaretsky E. Pourquoi le XXe siècle fut freudien // Freud et la psychanalyse (2015). С. 154–159.

REFERENCES

1. Binsvanger L. (2014) Ehllen Vest. Antropologicheskii-klinicheskoe issledovanie [Ellen West. Anthropological and clinical research] // Ekhzistencial'nyj analiz. M.: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovanij.
2. K'erkigor S. (1993) Bolezn' k smerti [Illness leading to death]. M.: «Respublika», 1993.
3. Lakan Zh. Ehtika psikhoanaliza (Seminary: Kniga VII (1959–60)). Per. A. Chernoglazova. M.: Gnozis, izd-vo «Logos».

4. Lejbin V. (2008) Psikhoanaliz: Uchebnoe posobie [Psychoanalysis: Tutorial]. 2-e izd. St. Petersburg: Piter.
5. Frejd Z. (2017) Vvedenie v psikhoanaliz. Lekcii [Introduction to psychoanalysis. Lectures]. St. Petersburg: Piter.
6. Shajdt YU. F. (1998). Frejd i ego vremya [Freud and his time] // Ehnciklopediya glubinnoj psikhologii. T. 1. Zigmund Frejd. Zhizn', rabota, nasledie. M.: «Kogito-centr», 1998. P. 22–37.
7. Roth M. S. (1987) Psycho-analysis as History: Negation and Freedom in Freud. Cornell University Press.
8. Schneider G. (2012). Die Psychoanalyse ist ein Humanismus // PSYCHE. August 2012, 66. Jahrgang, Heft 8, P. 675–701.
9. Zaretsky E. (2015) Pourquoi le XXe siècle fut freudien // Freud et la psychanalyse (2015), P. 154–159.